

«НИЗКИЕ» ТОПОСЫ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920–1930-Х ГГ.

Ф. В. Кувшинов

Липецкий институт кооперации (филиал) БУКЭП

Поступила в редакцию 1 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье на материале русской прозы 1920–1930-х гг. рассматривается изменение статуса «низких» топосов внутреннего пространства квартиры в связи с изменениями в организации жизни в коммунальной квартире, ставшей повседневной нормой и предметом пристального внимания со стороны русских прозаиков рассматриваемого периода.

Ключевые слова: топос, локус, повседневность, квартира, коммунальная квартира, кухня, коридор, уборная, мотив, «квартирный вопрос».

Abstract: in the article on the material of Russian prose of 1920–1930 years change of status «low» topos of internal space apartment in connection with changes in the organization of life in a communal apartment is considered, which has become the daily norm, on behalf of Russian writers of the reviewed period.

Key-words: topos, locus, everyday-life, apartment, communal apartment, kitchen, hallway, latrine, motive, «housing problem».

В русской прозе 1920–1930-х гг. «коммунальная квартира», специфика которой заключается в том, что она соединяет в себе личное пространство (комната жильца-персонажа) и общественное (места общего пользования), становится одной из репрезентаций повседневной жизни советского человека.

В рассматриваемый период коммунальная квартира стала формой «существования значительной части городского населения» [1, 86], которое вынуждено было приспособляться к новым формам организации жилья, к тому, что в коммунальной квартире социум формировался хаотично, волей случая, итогом чего был разношерстный состав публики, описанный, например, П. С. Романовым:

«Обитатели квартиры были такого разнообразного состава, таких различных занятий и положений, как будто они во время случившегося потопа бросились сюда и наспех захватили, кому что пришлось. Но в общем здесь было две трети интеллигенции, одна треть пролетариата» [2, 30].

Из дальнейшего описания квартиры романа «Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок)» (1930) становится ясным, что в ней проживают: «два слесаря с семьями и партия штукатуров», «мещанка по фамилии Печонкина», Кисляковы (жена – домохозяйка и Кисляков – служащий), «молодая пара по фамилии Звенигородские, очень интеллигентные люди» (архитектор и его жена), «хозяйева квартиры», которых Романов с иронией также относит к интеллигенции, «пожилой профессор с женой», статистик, «какая-то красивая дама», «другая дама, пенсионерка» и «крупный, советский работник Натансон».

Уже было отмечено, что коммунальная квартира «стала объектом острой социальной сатиры» [3, 154], особенно в рамках ставшей одной из центральных тем русской литературы 20–30-х гг. борьбы с мещанством и обывательщиной.

Ироничность Романова заключается в том, что новый правящий класс, пролетариат, который в социальной системе Советской России был объявлен гегемоном, обнаруживает в себе черты мелкого мещанина, что соответствовало действительности и отражено в исследованиях: «“простые” и особенно “пролетарии” <...> воплощают самые что ни на есть “мещанские” практики и ценности» [4, 159].

Пошлости бытовой жизни на идеологическом уровне была противопоставлена теория «нового быта», которая в прозе указанного периода представлена, в том числе, образом гигантской кухни Андрея Бабичева из романа Ю. К. Олеси «Зависть» (1927). Эта фабрика-кухня (прообразом которой послужили реальные проекты по обобществлению частной жизни) должна была заменить «пошлые» кухни «старого» мира:

«<...> посетил он [Андрей Бабичев. – Ф. К.] одну из кухонь в окраинном, заселенном рабочими доме. Он увидел копоть и грязь, бешеные фурии носились в дыму, плакали дети» [5, 18].

Однако фантастические проекты остались не реализованными, в то время как коммунальный быт стал нормой советской повседневной жизни, которая характеризуется качественными изменениями в области быта. Таким изменениям подверглись места общего пользования (кухня, коридор, уборная, ванная комната), ставшие статусными топосами внутреннего пространства коммунальной квартиры,

что стало предметом репродукции в русской прозе 1920–1930-х гг.

Кухня, как символ места, где готовится что-то новое, часто становится центральным топосом квартиры в прозе рассматриваемого периода, а «низкий» образ кухарки (благодаря превратно понятному высказыванию В. И. Ленина¹) «возвышается»: «Дорожка скатертью! Мы и кухарку // каждую выучим управлять государством!» [7, 285]

Такое важное место в пространственной структуре коммунальной квартиры кухня занимает не случайно. Если в традиционном для русской литературы локусе «дом» или «квартира-дом» кухня не играет важной роли, логично уступая место столовой или гостиной, то в пространстве коммуналки именно кухня становится центром квартиры, к которому стягиваются ее нити – жильцы. Именно здесь происходят многочисленные столкновения между ними: «Здесь люди не любят, а “сходятся”, не умирают, а “дохнут”» [8, 39]. Именно кухня выполняет роль современной агоры, собирая обитателей коммунальной квартиры для решения их «экзистенциальных» вопросов. В рассказе М. М. Зощенко «Нервные люди» (1925) на кухне происходит «цельный бой»:

«Тут снова шум и дискуссия поднялись вокруг ежика. Все жильцы, конечно, поднаперли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

– Что это, – говорит, – за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось» [9, 187].

Таким же важным местом, как это ни парадоксально, является отхожее место (туалет). Если в традиционном жилище уборная становится скрытым, потаенным местом (а в традиционных сельских домах вообще вынесена за стены жилья), то в коммунальной квартире место для свершения интимных гигиенических процедур становится общим, вынесенным на всеобщее обозрение. Коммунальная квартира, таким образом, становится перевертнем дома, объединяя жильцов в «низких» местах. Сама идея дома, нормальной квартиры, традиции проживания в ней искажена, о чем заметил М. А. Булгаков в рассказе «Москва 20-х годов (1924):

«<...> последние три года в Москве убедили меня, и совершенно определенно, в том, что москвичи утратили и самое понятие слова “Квартира” и словом этим наивно называют что попало» [10, 93].

Если кухня в русской классической литературе довольно часто фигурирует (сохраняя свой статус именно кухни, т.е. места приготовления пищи, а не проживания, как у Зощенко), то отхожее место как деталь локуса дома встретить можно едва ли. Максимум, что могло попасть в поле зрения художника –

¹ «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством» [6, 315].

это туалетная комната, где люди XVIII–XIX веков приводили себя в порядок. Причем описание уборных или туалетных комнат не носило сниженный характер, за редкими исключениями. Так, у А. С. Пушкина можно встретить:

«Графиня стала раздеваться перед зеркалом. Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с ее седой и плотно остриженной головы. Булавки дождем сыпались около нее. Желтое платье, шитое серебром, упало к ее распухлым ногам. Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета: наконец, графиня осталась в спальном кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна» [11, 240].

В прозе же 20–30-х гг. XX в. уборная (т.е. не то место, где совершается убрание человека, его наряд², а именно отхожее место) и интимные подробности, с ней связанные, обнажаются:

«Я из-за этого Трофима, можно сказать, последнего здоровья лишаясь и, очень даже просто, могу в отхожем месте помереть! Бывало-то, орлом я сидеть мог хоть полсуток, а теперь впору просить кого-нибудь, чтобы под мышки меня держали...» [13, 218–219].

Это же касается и коммунального жилья. У Зощенко в «Аристократке» (1923) своеобразное ухаживание, в том числе, включает в себя и интерес к уборной:

«И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?» [14, 472–473]

Мало того, Зощенко делает отхожее место основой для сюжета рассказа «Западня» (1933), в котором главный герой, не приученный к соблюдению норм в общественных уборных (а значит, и в коммунальной квартире), не может выйти из общественно туалета, поскольку не спустил за собой воду.

Внимание прозы к «низким» топосам коммунального квартирного пространства обусловлено тем, что в повседневной жизни советского человека произошли определенные перверсии, когда личное, тайное, интимное перестало быть таковым, в грубой и в какой-то степени показушной форме вышло из сферы потаенного. Д. Ийеш, описывая свой визит на завод, останавливается на весьма любопытном эпизоде: «В конце коридора находятся душевые <...>. Мы застаем работницу за стиркой чулок.

– Напрасно она это делает, – говорит сопровождающая нас редактор. – При заводе имеется перво-классная прачечная, где одежду рабочих стирают почти что бесплатно.

² Ср.: «Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни. Императрица сидела за своим туалетом» [12, 373].

– Должно быть, ей приспичило...» [15, 114]. Физиологические особенности женщин не принимают во внимание самой же женщиной в рамках новой логики организации быта.

Дореволюционная городская культура проживания в квартире была сметена беспардонной барачной культурой окраин. Скрываемая ранее, интимная жизнь теперь выносится на всеобщее обозрение, без всякого стеснения, и, например, М. А. Булгаков отмечает эти новые нравы в «Прологе» «Кулака бухгалтера» (1925), который начинается именно... с отхожего места:

«Дверь с надписью “Мужская уборная” <...> хлопнула, вышел помощник главного бухгалтера Жуков, застегнул китель, подошел к курьерше и хлопнул ее кулаком, произнеся такой спич:

– Не читай во время дежурства книг! Не читай!! Это дело не курьерское, а смотри, что делается в уборной! В уборной!!» [16, 190].

Удачно обозначить функциональную (разобщение жильцов) близость кухни, коридора и уборной удалось П. С. Романову, у которого описание коммунальной квартиры Кислицына начинается именно с кухни, а продолжается именно уборной:

«На черной лестнице посетителя сразу, как пар на банной полке, покрывали с головой кухонный дым и сковородный чад. <...>

Благодаря обилию вещей, в коридоре было темно, и проходившие из уборной или кухни к себе в комнаты жильцы то и дело сажали шишки на лоб или синяки на коленку <...>.

В маленьком коридорчике перед кухней помещалась уборная, которая была вечно кем-то занята» [2, 29–30].

И далее Романов соединяет в обыденном представлении противоположные вещи – место, где готовится еда, и место, где справляется нужда, почти в карнавальном раблезианском духе:

«Предлоги для взрыва являлись сами собой на каждом шагу. Во-первых, та же уборная: с утра около нее выстраивалась целая очередь торопившихся на службу граждан, при чем некоторые выказывали особенную нетерпеливость, и, не успевал очередной войти и затвориться, как через минуту уже десяток кулаков стучали в дверь и напоминали ему, что он не у себя в гостиной. <...>

Следующим пунктом раздоров была кухня, где с самого утра, как на хорошей фабрике, шла работа, шумели разом штук шесть примусов» [2, 35–36].

В русской литературе классического периода квартирная кухня хотя и упоминается довольно часто (например, у Достоевского в рамках поэтики «углов» можно вспомнить живущего подле кухни Макара Девушкина), но не является центром действия повествования, выполняя функцию вспомогательной детали, такой же, как, например, передняя, с которой она часто совмещена, а упоминаний

об уборной в значении «отхожее место» нет вообще. Но русская проза 1920–30-х гг. отразила новую реальность – повседневность советской жизни, в бытовом плане организованной на иных началах, которые привычную топографику локуса «дом» исказили, перевернули. Если раньше центром действия в квартире (доме) были зала, гостиная, спальня, кабинет, то теперь центр действия в рамках локуса «коммунальная квартира» смещается в сторону «низких» мест: коридор, кухня, уборная.

В коммунальной квартире смещаются функции внутренних топосов: под жильем приспособляются такие места, которые для этого не были предназначены изначально: ванная, кухня, коридор.

И. В. Одоевцева в книге воспоминаний «На берегах Невы» (1967) описывала типичный коммунальный быт летней Москвы 1921 г. с помощью популярной тогда частушки:

«Эх, привольно мы живем –

Как в гробах покойники:

Мы с женой в комодке спим,

Теща в рукомойнике» [17, 245].

Приведенная Одоевцевой частушка не является плодом народного воображения. В. Ф. Панова в своей книге «О моей жизни, книгах и читателях» (1973) вспоминает о жилищных условиях весны 1925 г.: «Яша Фалькнер <...> исхлопотал <...> ордер на жилплощадь. По этому ордеру они поселились в ванной комнате какой-то коммунальной квартиры, один спал на подоконнике, двое на полу, лучшим ложем, занимаемым по очереди, была ванна» [18, 357].

Эта абсурдная реальность советской жизни середины 20-х гг. стала основой для сюжета рассказа М. М. Зощенко «Кризис» (1925), герой которого вынужден проживать в ванной комнате и самой ванне, причем не один, а семьей.

Другим неожиданным местом проживания становится коридор, который мы встречаем в миниатюре Д. И. Хармса «Победа Мышина» (1940). Изначально читателю некий Мышин представляется типичным хармсовским персонажем абсурда, который без всяких на то причин лежит в коридоре и мешает жильцам. Однако позже становится ясным, что перед нами – безусловно, абсурдная для нашего времени, но совершенно возможная для описываемого времени – ситуация, когда человек лишен привычного места проживания:

«– А почему этот гражданин в коридоре лежит? – спросил вдруг милиционер. <...>

– А потому что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в той – вот они, в этой – вот он, а уж Мышин тут, в коридоре живет.

– Это не годится, – сказал милиционер. – Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

– А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, – сказал Калугин» [19, 219–221].

Миниатюра Хармса не столько выдумка, сколько

констатация реального факта: «практика прописки человека в квартиру, а не в комнату сохранялась. Человек имел право жить в квартире, а своей комнаты не имел. Поэтому описанная Хармсом в рассказе ситуация была вполне реальна <...>» [20, 459].

Внутреннее пространство квартиры, которая, по возможности, сохраняла топографику традиционного литературного дома, в прозе 1920–1930-х гг. претерпело серьезную трансформацию. Исчезли детские, спальни, кабинеты и проч., появились просто комнаты (которые разом совмещали в себе функции утерянных топосов квартиры-дома), но остались кухни, коридоры, ванные комнаты и уборные, обогатившиеся дополнительными функциями и в силу своей повышенной востребованности сменившие статус «низких» мест на статус мест «высоких», вставших в центр и бытового, и литературно-художественного внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пителина Н. А. Феномен коммунальной квартиры в повести И. Грековой «Вдовый пароход» / Н. А. Пителина // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 3. – С. 86–91.
2. Романов П. С. Товарищ Кисляков (Три пары шелковых чулок) / П. С. Романов. – Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1952. – 362 с.
3. Бурдина С. В. Хронотоп коммунальной квартиры в прозе Ю. Мамлеева / С. В. Бурдина, Н. А. Полякова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011, № 2. – С. 154–159.
4. Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мечанством как моральный миссия русской интеллигенции / Т. Вихавайнен. – СПб. : Издательский дом «Коло», 2004. – 412 с.
5. Олеша Ю. К. Зависть / Ю. К. Олеша // Олеша Ю. К. Избранное. – М. : Гудьял-Пресс, 1999. – 560 с.
6. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55-ти томах. – М. : Издательство политической литературы, 1965–1975. – Т. 34.
7. Маяковский В. В. Владимир Ильич Ленин / В. В. Маяковский // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. – Т. 6. Стихотворения 1924 года – первой половины 1925 года, поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Летающий пролетарий». – 1957. – 544 с.
8. Сухих И. Н. Гоголек / И. Н. Сухих // Зощенко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Время, 2006. – Т. 1. – С. 5–97.
9. Зощенко М. М. Нервные люди / М. М. Зощенко // Зощенко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Время, 2006. – Т. 2. – 753 с.
10. Булгаков М. А. Москва 20-х годов / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Роковые яйца. – М.: Голос, 1995. – 384 с.
11. Пушкин А. С. Пиковая дама / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. – 1948. – С. 225–252.
12. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. – 1948. – С. 277–384.
13. Шолохов М. А. Поднятая целина: Роман в двух книгах: Книга вторая / М. А. Шолохов // Шолохов М. А. Собрание сочинений: В 8 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956–1960. Т. 7. Поднятая целина: (Роман в двух книгах): Книга вторая. – 1960. – 416 с.
14. Зощенко М. М. Аристократка / М. М. Зощенко // Зощенко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Время, 2006. – Т. 1. – 842 с.
15. Ийеш Д. Россия. 1934 / Д. Ийеш. – М. : Издательский дом «Хроникер», 2004. – 237 с.
16. Булгаков М. А. Кулак бухгалтера / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Собачье сердце. – М. : Голос, 1995. – 464 с.
17. Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / И. В. Одоевцева. – М. : Худож. лит., 1988. – 334 с.
18. Панова В. Ф. О моей жизни, книгах и читателях / В. Ф. Панова // Панова В. Ф. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 5: Историческая и автобиографическая проза. – Л. : Художественная литература, 1989. – 560 с.
19. Хармс Д. И. Победа Мышина / Д. И. Хармс // Хармс Д. И. Собрание сочинений: В 3 т. – Т. 2: Новая Анатомия. – СПб. : Азбука, 2000. – 416 с.
20. Кобринский А. А. ЖЗЛ. Даниил Хармс / А. А. Кобринский. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 501 с.

*Липецкий институт кооперации (филиал) БУКЭП
Кувшинов Ф. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарно-социальных дисциплин
E-mail: f.kuv@yandex.ru*

*Lipetsk Institute of cooperation (branch) BUKEP
Kuvshinov F. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanities and Social Sciences Department
E-mail: f.kuv@yandex.ru*